

*Е. И. Свечникова***ПОСТКРИМИНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ
КАК ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ: СПОСОБЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ
И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

© Свечникова Елена Ивановна (elenasvechnikova1011@gmail.com), ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор и соавтор 8 научных публикаций.

Область научных интересов: уголовный процесс, меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, предварительное расследование.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается феномен посткриминального воздействия, выступающего основанием применения мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в отношении свидетелей. Автор проводит всесторонний анализ характеристик посткриминального воздействия, рассматривает понятие, признаки, виды и формы угроз, поступающих в отношении лиц, содействующих правосудию. В приведенной статье выявляются разнообразные проблемы применения нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, исследуется ее содержание, перечисляются недостатки и предлагаются соответствующие поправки в уголовно-процессуальный закон. Автором поднимается вопрос о возможности введения уголовной ответственности за преследование свидетелей в связи с выполнением ими процессуальных обязанностей по содействию правосудию, приводится зарубежный опыт успешного внедрения в уголовный закон самостоятельного состава преступления «сталкинг» и высказываются аргументы, поддерживающие эту позицию. В представленной статье в обосновании своих позиций автор опирается на обширный теоретический материал, указывает данные опросов практических сотрудников органов предварительного расследования и суда, а также приводит конкретные примеры оказания противоправного воздействия из судебной практики.

Ключевые слова: свидетель, посткриминальное воздействие, меры безопасности, безопасность личности в уголовном судопроизводстве, преследование свидетелей (сталкинг), уклонение от явки к следователю или в суд, отказ от дачи показаний, заведомо ложные показания.

Цитирование. Свечникова Е. И. Посткриминальное воздействие в отношении свидетелей как основание применения мер безопасности: способы, последствия и пути преодоления // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-122-130>.



E. I. Svechnikova

POST-CRIMINAL IMPACT IN RELATION TO WITNESSES AS THE GROUND OF SECURITY MEASURES APPLICATION: METHODS, CONSEQUENCES AND WAYS OF OVERCOMING

© Svechnikova Elena Ivanovna (elenasvechnikova1011@gmail.com), assistant lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criministics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author and coauthor of 8 scientific works.

Research interests: criminal procedure, security measures, preliminary investigation.

ABSTRACT

The article deals with a phenomenon of post-criminal impact which acts as the ground of security measures application in relation to witnesses, according to Part 3 Article 11 of the Russian Criminal Procedure Code (CPC). The author analyses thoroughly the characteristics of post-criminal impact, examines the definition, features, types and forms of threats spoken to the persons assisted to the justice. This article reveals different problems of application of legal rule in Part 3 Article 11 of CPC, studies its content, uncovers its disadvantages and suggests necessary amendments in criminal procedure law. The author raises the question of possible introduction of criminal responsibility for stalking of witnesses because of their assistance to justice, gives a positive example of foreign experience of introduction a separate crime «stalking» in criminal legislation and supports this position with several arguments. Within the article the author substantiates her position using vast theoretical material, the data of questionnaire survey of practitioners, specialised on preliminary investigation and trial proceedings, as soon as cites the specific examples of post-criminal impact from judicial practice.

Key words: witness, post-criminal impact, security measures, personal security in criminal procedure, stalking of witnesses, evasion to appear before an investigator or a trial, refusal to testify, false testimony.

Citation. Svechnikova E. I. *Postkriminal'noe vozdeistvie v otnoshenii svidetelei kak osnovanie primeneniya mer bezopasnosti: sposoby, posledstviya i puti preodoleniya* [Post-criminal impact in relation to witnesses as the ground of security measures application: methods, consequences and ways of overcoming]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-122-130> [in Russian].

Безопасность в уголовном судопроизводстве может рассматриваться как состояние защищенности жизни, здоровья и (или) имущества участника уголовного процесса от противоправных посягательств в связи с его содействием осуществлению правосудия [1, с. 29]. Принятие решения о применении мер безопасности является ключевым моментом, с которым связывается начало деятельности компетентных органов предварительного расследования и суда по защите свидетелей, и предполагает наличие определенного фактического и юридического основания. В рамках обозначенной темы мы обратимся к исследованию только фактического основания, представляющего собой совокупность данных, достаточных для принятия решения о применении мер безопасности. Анализ законодательства позволяет заключить, что основания их применения связываются с необходимостью предупреждения возможных посягательств на участников уголовного процесса и формулируются с использованием термина «угроза» [2, с. 77–78].

С семантической точки зрения угроза преимущественно рассматривается в двух аспектах, таких

как 1) запугивание, обещание причинить какое-либо зло, неприятность и 2) возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастья, неприятного события [3, с. 680; 4, с. 887], при этом выделяется также третий аспект – 3) тот, кто (то, что) может причинить зло, неприятность [5, с. 1371; 6, с. 462].

С точки зрения психологии, угроза является стрессором – внешним отрицательным стимулом, вызывающим у человека психический эмоциональный стресс. Стресс, безусловно, является препятствием к нормальной деятельности, и поэтому угроза в определенной мере сковывает свободу поведения. Порождаемое угрозой чувство незащищенности свидетельствует о том, что подрывается психическое здоровье человека [7, с. 32].

В юридической литературе «угроза» рассматривается прежде всего как уголовно-правовая категория. В самом общем виде под угрозой понимают **способ психического воздействия**, направленного на запугивание потерпевшего, на то, чтобы вызвать у последнего чувство тревоги, беспокорства за свою безопасность, дискомфортное состояние [8, с. 71]. Применительно к уголовно-

процессуальной деятельности, угрозы и насилие в отношении ее участников в специальной литературе получили название **посткриминального воздействия**, определяемого как **угрозы** и иные действия преступников, а также других лиц, действующих в интересах преступников, осуществляемые с целью принудить очевидцев преступлений и иных граждан отказаться от содействия органам дознания и следствия в расследовании преступлений, от участия в рассмотрении уголовных дел судами, а также из мести за оконченное содействие указанным государственными органами либо с целью устрашения будущих (потенциальных) свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в других (будущих) уголовных делах [9, с. 384].

При применении мер безопасности, предусмотренных УПК РФ, следует учитывать следующие характеристики посткриминального воздействия: 1) круг лиц, подвергающихся такому воздействию; 2) круг лиц, осуществляющих его; 3) стадии уголовного судопроизводства, в которых осуществляется посткриминальное воздействие и 4) его формы (способы) [10, с. 6].

Наиболее часто посткриминальному воздействию подвергаются свидетели и потерпевшие. Ежегодно около 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел об особо тяжких преступлениях, из них каждый пятый подвергается угрозам, но в правоохранительные органы за защитой мало кто обращается, опасаясь мести и просто не веря в эффективность государственной защиты [11, с. 43–44].

Как правило, посткриминальное воздействие осуществляют подозреваемые/обвиняемые, их близкие родственники и родственники, а также знакомые, как вовлеченные в криминальную среду, так и те, кто не относится к подобным кругам. Согласно данным проведенного нами опроса 108 сотрудников органов предварительного расследования и суда (судей и их помощников, следователей) Самарской области (100 %)¹, 61 (56,5 %) респондент указывает на обвиняемых как на лиц, осуществляющих противоправные действия и/или высказывающих угрозы расправой в отношении свидетелей и потерпевших. В качестве основных субъектов посткриминального воздействия 57 (52,8 %) респондентов выделяют близких родственников обвиняемого, 4 (3,7 %) респондента – потерпевших и лишь 1 (0,9 %) респондент – близких родственников потерпевшего. Встречаются случаи, когда адвокат-защитник принимает участие в посткриминальном воздействии, направленном против потерпевших и свидетелей. Защитники могут осуществлять связь между лицами, содержащимися под стражей, и находящимися на свободе соучастниками, в частности, передавать им указания, на кого из потерпевших, свидетелей и каким образом воздействовать, а также не-

посредственно участвовать в посткриминальном воздействии [10, с. 9]. Так, в Кировском районном суде г. Самары было рассмотрено уголовное дело по обвинению Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УПК РФ. По указанному делу потерпевший С. Н. был вынужден дать не соответствующие действительности показания в ходе предварительного расследования в результате оказания на него всестороннего давления со стороны отца подсудимого, его родственников и знакомых, а также адвоката Ш. – С. Адвокат-защитник С. просила С. Н. изменить показания и разъяснила, какую именно информацию надлежит сообщить следователю [12].

Посткриминальное воздействие может осуществляться в любой стадии уголовного судопроизводства, но наиболее интенсивно оно реализуется в стадии предварительного расследования, в том числе в период ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 217 УПК РФ. Концентрация противодействия в отношении защищаемых лиц в период проведения предварительного расследования объясняется также тем, что на этой стадии формулируются объем и пределы обвинения, предварительная оценка виновности обвиняемого, которая будет представлена после утверждения обвинительного заключения прокурором в суд [13, с. 3–4].

Формы (способы) посткриминального воздействия, представляющего собой угрозы участникам уголовного процесса, вызванные их деятельностью по содействию правосудию, характеризуются большим разнообразием. Для того чтобы определить, данные о каких угрозах могут расцениваться в качестве основания применения мер безопасности, необходимо рассмотреть их признаки, виды, формы и способы выражения.

Обязательными признаками угрозы выступают ее **наличность, реальность и конкретность**. **Реальность** угрозы является ее ключевым свойством и предполагает возможность ее осуществления, реализации. **Наличность** означает, что угроза существует в действительности как явление объективного мира в той или иной форме. **Конкретность** связывается с ясным изложением того, каким образом лицо намерено осуществить угрозу. Иными словами, угроза должна быть выражена в той или иной форме вовне и доведена до участника уголовного судопроизводства; реальность же угрозы относится к тому, насколько достоверно она воспринимается им.

Вместе с тем на практике достаточно сложно оценить, является ли угроза реальной или мнимой. Помимо субъективного чувства участника уголовного судопроизводства, в адрес которого поступила угроза, нужно учитывать все обстоятельства дела (характер взаимоотношений виновного и потерпевшего, серьезность повода для угрозы,

¹ Здесь и далее: возможен был один или несколько вариантов ответа.

личность угрожающего, наличие предметов, способных причинить серьезный вред, и т. д.). В некоторых случаях угроза может быть пустой, произнесенной в запальчивости, когда лицо, от которого она исходит, и участник уголовного судопроизводства, в адрес которого она поступила, не придают ей серьезного значения. Поэтому важно выяснить, использовалась ли угроза как средство давления на волю участника уголовного судопроизводства с намерением вызвать у него чувство страха, боязни, дискомфорта и склонить, к примеру, к изменению показаний. Если это установлено, угрозу следует считать реальной, даже если лицо, от которого исходила угроза, приводить ее в исполнение не собиралось, а лишь запугивало адресата угрозы [14, с. 74–75].

Так, в Промышленном районном суде г. Самары было рассмотрено уголовное дело по обвинению В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Свидетелем по данному делу проходил З., который в ходе предварительного следствия поменял свои показания из-за того, что перед началом допроса ему позвонила жена и сообщила, что ей угрожали расправой в случае, если З. не изменит свои показания. Супруга З. пояснила, что на улице к ней подошли двое неизвестных мужчин и, выяснив, что она является женой свидетеля З., порекомендовали ей повлиять на супруга и уговорить его изменить показания. Супруга З. отметила, что данный инцидент она восприняла как реальную угрозу [15].

Что касается видов угроз, то они могут быть классифицированы по самым различным основаниям. Так, М. В. Новикова предлагает провести классификацию угроз по критериям вида, характера и форме выражения для того, чтобы иметь возможность спрогнозировать систему мер безопасности в каждом конкретном случае. По виду все угрозы делятся на две группы: **реальные**, т. е. существующие в реальной действительности и соответственно воспринимаемые, и **мнимые** – существующие в воображении. В свою очередь, реальные угрозы в зависимости от их характера дифференцируются на **активные, пассивные, неопределенные, спонтанные, предполагаемые** [16, с. 155–157]. А. А. Крашенинников полагает, что все угрозы в зависимости от **способа их выражения** **вовне** могут быть классифицированы на 1) **вербальные** (передаваемые как устно, так и письменно, в том числе посредством телефонной, телеграфной (факсимильной) связи, электронной почты, сети Интернет); 2) **невербальные** (включают в себя жесты (движения рук), мимику (движения лица), пантомимику (разнообразные позы и телодвижения), интонацию и своеобразные неязыковые знаковые «наполнители» (система пауз, характерное покашливание, раздельное произношение какого-либо слова или словосочетания, выполняющее функцию подчеркивания, акцентирования внимания на его значении, темп речи и т. п.)); 3) **инвариантные**, или угрозы, сопровождаемые демонстрацией оружия (в том числе предметов,

используемых в качестве оружия) или имитацией его применения, а также соединенные с совершением иных преступных действий; 4) **комбинированные (смешанные)** [17, с. 28–36].

Согласно данным проведенного нами опроса 108 сотрудников органов предварительного расследования и суда (судей и их помощников, следователей) Самарской области (100 %), наиболее часто угрозы в отношении свидетелей поступают в устной форме, причем на открытое высказывание угроз указывают 52 (48,1 %) респондента, а на анонимное (например, посредством анонимных звонков или передачи угроз через третьих лиц) – 35 (32,4 %) респондентов. На распространение угроз в письменной форме сослались лишь 12 (11,1 %) практических сотрудников, 5 (4,6 %) из которых отметили их открытую форму, а 7 (6,5 %) – анонимную.

Ввиду стремительного развития информационных технологий и повсеместного распространения глобальных социальных сетей, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram и многих других, высказывание угроз в отношении свидетелей наблюдается и в киберпространстве. Так, на распространение угроз в отношении свидетелей в социальных сетях, через электронную почту и посредством других интернет-возможностей указали 34 (31,5 %) респондента, 25 (23,1%) из которых отметили открытое опубликование угрозы, а 9 (8,3 %) – анонимное.

По своему содержанию угроза посягательства на свидетеля (потерпевшего) выражается не только в определенной форме (письменно или устно, открыто или анонимно, откровенно или завуалировано), но и находит реализацию в самых разнообразных **способах**.

Так, О. А. Зайцев приводит следующие способы воздействия на участников процесса: 1) преследование с целью оказания психического воздействия, выражающегося в угрозах убийством, расправы, уничтожения личного имущества, похищения детей и близких, надругательства над престарелыми и малолетними и т. д. (59 %); 2) подкуп в любом виде и форме (43 %); 3) шантаж (27 %); 4) применение физического насилия (16 %); 5) оскорбление или клевета (13 %); 6) умышленное уничтожение или повреждение имущества (8 %); 7) похищение родственников и иных близких (3 %); 8) совершение террористических актов (2 %) [18, с. 31–32].

Согласно данным проведенного нами опроса, 108 сотрудников органов предварительного расследования и суда (судей и их помощников, следователей) Самарской области (100 %) в качестве наиболее распространенного способа посткриминального воздействия на свидетелей 75 (69,4 %) практиков указали угрозы разнообразного характера, 60 (55,6 %) – шантаж, 19 (17,6 %) – применение физического насилия, 15 (13,9 %) – повреждение/уничтожение имущества, 12 (11,1 %) – клевету, 11 (10,2 %) – подкуп, 9 (8,3 %) респондентов затруднились с ответом.

Представляют интерес данные А. Ю. Епихина, который провел анкетирование лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, с целью выяснения мнения осужденных по вопросам обеспечения безопасности субъектов уголовного процесса. Так, респонденты считают наиболее распространенным способом не угрозу, а реальное избиение свидетеля (13,6%). Далее отмечены угроза избиением свидетеля, уничтожением его ценного имущества и субъективные качества и свойства свидетеля (по 12,5 %); 11,4 % опрошенных отметили как наиболее приемлемый способ воздействия на свидетелей **реальное убийство (!)**. Угроза убить свидетеля была выделена 10,2 % опрошенных. На последнем месте находятся три способа и причины воздействия: достаточно позвонить по телефону свидетелю и угрожать ему; выбор способа зависит от того, какой сам по себе свидетель как человек; способ зависит от тяжести предъявленного обвинения (по 9 %) [19, с. 159–160].

Действующий уголовный закон не содержит состава преступления, предусматривающего ответственность за преследование лица, содействующего правосудию (свидетеля, эксперта, специалиста). Это означает, что привлечь к уголовной ответственности, например, обвиняемого, запугивающего свидетеля посредством телефонных звонков, сопровождающихся молчанием в трубку; устрашающих надписей на стенах дома, в подъезде, где он живет; подбрасыванием записок с угрозами в его почтовый ящик; подвешиванием трупов животных у его дверей и прочими подобными действиями, формально не образующими состав преступления, не представляется возможным. Такое положение дел существенно отличается от опыта зарубежных стран, уголовное законодательство которых предусматривает ответственность за преступное преследование лица, именуемое «сталкинг» [20, с. 60–66].

Исследование материалов судебной практики показывает опасность подобного воздействия на свидетелей (потерпевших) и его негативное влияние на расследование и рассмотрение уголовного дела по существу.

Так, в Кировском районном суде рассматривалось уголовное дело в отношении Г., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Р. проходил свидетелем по указанному делу, и в ходе предварительного расследования на его мобильный телефон стали поступать звонки с неизвестных номеров от неизвестного гражданина. Данный гражданин не представлялся, голос свидетелю Р. был не знаком. Неизвестный сказал, что на суде Р. должен дать заведомо ложные показания в пользу Г., пояснив, что Р. следует помнить о своих детях, с которыми может что-нибудь случиться. Свидетель Р. был напуган поступившим звонком, однако в правоохранительные органы обращаться не стал. Через несколько дней на номер свидетеля вновь поступил звонок с другого неизвестного номера, но ему показалось, что он слышал тот же мужской голос, что и ранее. В длившемся

несколько секунд разговоре Р. под угрозой расправы над его детьми вновь напомнили, что он должен дать заведомо ложные показания, сказав, что обвиняемый Г. непричастен к совершению преступления. Спустя несколько дней свидетель Р. получил повестку из суда, однако был так сильно напуган, что от явки в суд уклонился. Опасаясь за жизнь и здоровье детей, свидетель Р. отправил их в деревню, где они пробыли все лето. Повестки продолжали приходить, и Р. понял, что явки в суд ему не избежать. Изменив несколько раз свои показания, свидетель Р. впоследствии подтвердил показания, данные им в ходе предварительного расследования, и пояснил суду, что изменил показания на ложные после неоднократных звонков и угроз в адрес его детей [21].

В Комсомольском районном суде г. Тольятти рассматривалось уголовное дело в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УПК РФ. Признанный потерпевшим по данному уголовному делу Г. О. В. показал, что конкретных угроз в его отношении со стороны Д. не поступало, однако после направления дела в суд Д. спрашивал, есть ли у потерпевшего дети, а вечером, после второго судебного заседания, Г. О. В. обнаружил, что окно в его машине разбито, а в самом салоне, возможно, что-то искали. Кроме того, по данному делу свидетелем проходил К. В. Ю., на которого Д. давил морально и советовал тому не выступать в качестве свидетеля, подчеркивая, что «они живут на одном районе», и у последнего могут возникнуть проблемы в случае дачи им показаний против Д. [22].

На наш взгляд, описанные выше действия могут быть квалифицированы как преследование свидетеля (сталкинг) и должны быть криминализованы на законодательном уровне.

Опасность угрозы, доведенной до адресата, заключается в том, что она приводит к дезорганизации психики человека, может являться причиной возникновения деструктивных состояний ее, в том числе страха, что ведет к возникновению желания у потерпевшего или свидетеля отказаться от дачи показаний или дать заведомо ложные показания [23, с. 112]. Так, по данным опроса следователей, проведенным И. Е. Козыревой, именно боязнь мести (32 %) выступает одним из основных мотивов ложных показаний свидетелей, уступая только мотиву близких отношений с виновным лицом (45 %) [24, с. 32].

Формулировка основания применения мер безопасности в ч. 3 ст. 11 УПК РФ вызывает на практике ряд проблем, возникающих при необходимости обеспечить безопасность свидетелей в случае, когда выполнение ими своей процессуальной функции может спровоцировать противодействие со стороны других участников процесса.

Прежде всего, наличие достаточных данных о том, что в отношении свидетеля поступили угрозы расправой в случае дачи им «неудобных» показаний означает, что личность свидетеля уже известна угрожающим, поэтому применение таких

уголовно-процессуальных мер безопасности, как сокрытие данных о личности свидетеля в протоколе следственного действия с его участием (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемого опознающим свидетелем (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), допрос свидетеля в судебном заседании вне визуального контакта с другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ) теряет смысл.

По мнению Л. В. Брусницына, преодоление этой проблемы и ряда порождаемых ею затруднений возможно посредством применения к ч. 3 ст. 11 УПК РФ расширительного (распространительного) толкования, в соответствии с которым меры безопасности применяются при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства и их близким **не только угрожают, но и могут угрожать** убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества, а также совершением иных деяний с целью заставить отказаться от осуществления уголовно-процессуальных прав и обязанностей либо из мести за их осуществление. Однако возможность применения расширительного толкования к ч. 3 ст. 11 УПК РФ имеет и противников. Так, Л. А. Воскобитова считает распространительное толкование рассматриваемой нормы недопустимым, поскольку оно может привести к нарушению прав и свобод как других участников уголовного судопроизводства, так и самих защищаемых лиц [25].

Буквальное толкование предполагает, что смысл нормы права в полном объеме соответствует ее действительному содержанию. При режиме законности расширительное и ограничительное толкование является исключением из общего правила, закрепляющего соответствие буквального текста и действительного смысла акта. Нам представляется невозможным расширительное (распространительное) толкование ч. 3 ст. 11 УПК РФ, поскольку это повлечет за собой необоснованное применение мер безопасности и, как было упомянуто выше, нарушение прав и свобод участников уголовного процесса.

Следующее затруднение в выявлении основания применения мер безопасности связано с оценочным и крайне расплывчатым признаком «достаточности» данных о посткриминальном воздействии в отношении участников уголовного судопроизводства (в том числе и свидетеля). Установление достаточности данных, образующих основание для применения мер безопасности, представляет собой оценку совокупности сведений, облеченных в предусмотренную законом форму, в целях разрешения вопроса о степени вероятности существования угрозы посткриминального воздействия или ее осуществления. Такая достаточность должна определяться: 1) наличием данных, указывающих на какие-либо из признаков угрозы; 2) отсутствием данных, указывающих на невозможность угрозы, а также данных, свидетельствующих об отсутствии возможности уста-

новить такие данные; 3) невозможностью сбора дополнительных сведений, подтверждающих либо опровергающих наличие угрозы; 4) отсутствием обоснованных сомнений в достоверности полученных данных, указывающих на признаки угрозы безопасности; 5) возможностью производства разумного вывода о возможности посягательства на безопасность на основе полученных данных [2, с. 81–82].

Проблема определения достаточного объема данных о том, что в отношении свидетеля высказываются реальные, наличные и конкретные угрозы, порождает на практике также ситуации, когда решение о применении мер безопасности вынесено необоснованно.

Так, например, в порядке кассационного производства была рассмотрена жалоба осужденного Ш. Достигшая совершеннолетия потерпевшая обратилась к суду с заявлением, в котором указала, что при наличии беременности не желает встречаться с подсудимым, отказывается находиться вместе с ним в зале судебного заседания, и просила допросить ее в отсутствие последнего. Суд, не располагая данными о поступлении какой-либо угрозы со стороны обвиняемого, с участием прокурора, поддержавшего просьбу потерпевшей, и адвоката, оставившего разрешение данного вопроса на усмотрение суда, без вывода в зал судебного заседания подсудимого обсудил и удовлетворил заявленное ходатайство; затем присутствующие в зале участники судебного заседания допросили потерпевшую, а, кроме того, по ходатайству государственного обвинителя без выяснения мнения подсудимого, огласили все ее показания, данные ранее, и отпустили из зала суда. Судебная коллегия отменила приговор в отношении Ш. и направила дело на новое судебное разбирательство, указав: «Тот факт, что потерпевшая была на последних сроках беременности, несомненно, требовало ее повышенной защиты, однако принятые судом меры к защите потерпевшей не согласуются с... требованиями закона, и привели к необоснованному ограничению прав осужденного – он не был ознакомлен с показаниями, которые дала против него потерпевшая в судебном заседании, ее показания, данные ранее, были оглашены в его отсутствие, само право задать потерпевшей вопросы, пусть даже и при условиях, исключающих визуальное наблюдение, реализовано не было, т. е. его право на защиту было ограничено в такой степени, которая несовместима с требованиями Уголовно-процессуального кодекса и гарантиями, предусмотренными п. 3 (с) ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [26].

Следующая проблема, возникающая при анализе ч. 3 ст. 11 УПК РФ, связывается с формой посткриминального воздействия. Согласно положениям указанной статьи, для применения мер безопасности необходимо наличие достаточных данных о том, что свидетелю угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо **иными противоправными деяниями**.

Противоправность – неотъемлемый признак любого правонарушения, являющегося социальным и юридическим антиподом правомерного поведения в обществе. Исходя из формулировки ч. 3 ст. 11 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что совершение не только преступления, но и административного правонарушения (например, причинение побоев, регламентированное ст. 6.1.1 КоАП РФ; уничтожение или повреждение чужого имущества, закрепленные ст. 7.17 КоАП РФ) в отношении свидетеля по уголовному делу является основанием для применения к нему мер безопасности. Поскольку более предпочтительным является буквальное толкование положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ, как мы указывали выше, возможность ограничительного толкования приведенной нормы и распространения ее действия только на преступления мы не рассматриваем как решение данного затруднения.

В целях устранения выявленных недостатков и совершенствования института безопасности участников уголовного судопроизводства мы предлагаем внести следующие поправки в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство:

1) изменить формулировку ч. 3 ст. 11 УПК РФ и представить ее в следующей редакции: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо **совершением иных преступлений**, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

2) закрепить в главе 31 УПК РФ «Преступления против правосудия» в качестве самостоятельного состава преступления «Преследование свидетеля (сталкинг)», понимая под ним «умышленное противоправное совершение двух и более действий, направленных на устрашение, запугивание свидетеля, с целью принудить его дать заведомо ложные показания или отказаться от дачи показаний, а равно повлекших за собой систематическое уклонение свидетеля от явки к следователю, дознавателю или в суд».

Библиографический список

1. Авдеев М. А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 170 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-i-pravovye-osnovy-obespecheniya-lichnoi-i-imushchestvennoi-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva>.

2. Воронов Д. Характеристика угрозы посткриминального воздействия как основания для применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса // Уголовное право. 2013. № 4. С. 77–83. URL: <http://www.jurpro.ru/wp-content/uploads/2013/08/UP-04-13.html#z4>.

3. Солганик Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения: Около 6000 слов и выражений. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. 752 с.

4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 4. 754 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1999. 800 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>.

7. Шадрин Л. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 174 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2278785.html>.

8. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с. URL: <https://nashol.com/2017071695411/ugolovnoe-pravo-rossii-osobennaya-chast-sundurova-f-r-talan-m-v-2012.html>.

9. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М.: Статут, 2017. 1280 с. URL: <http://be5.biz/pravo/u010/index.html>.

10. Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. 152 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2252956.html>.

11. Крюкова Н. И. Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 43–44. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2012/4503/2>.

12. Уголовное дело № 1-675/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aK8z9UGnK0Yh> (дата обращения: 01.12.2018).

13. Дмитриева А. А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Российский следователь. 2017. № 1. С. 3–6. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2017/rossijskij-sledovatel/1>.

14. Саморока В., Бекетов М. Принятие следователем решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 1. С. 72–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15634673>.

15. Уголовное дело № 1-212/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/S48TD6zM66Lr> (дата обращения: 01.12.2018).

16. Новикова М. В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 234 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/obespechenie-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva-kak-garantiya-osushchestvleniya-pravosudiva-v-sovremennykh-usloviyakh>.

17. Крашенинников А. А. Угроза в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. 204 с. URL: <http://lawlibrary.ru/disser2011078.html>.

18. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 446 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teoreticheskie-i-pravovye-osnovy-gosudarstvennoj-zawity-uchastnikov-ugolovnogo.html>.

19. Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. 460 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/koncepcija-obespechenija-bezopasnosti-lichnosti-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva.html>.

20. Барышева К. А. Определение понятия и общественно опасной природы киберсталкинга // Адвокат. 2016. № 10. С. 60–66.

21. Уголовное дело № 1-359/2010 [Электронный ресурс] // Справочная система «Правосудие». URL: <http://sudrf.ru> (дата обращения: 01.12.2018).

22. Уголовное дело № 1-487/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/LxаQа00Вqm6N> (дата обращения: 01.12.2018).

23. Тимошенко А. А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как мера безопасности в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 224 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2222616.html>.

24. Козырева И. Е. Теория и практика участия свидетеля на предварительном следствии: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2222614.html>.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17999>.

26. Кассационное определение Пермского краевого суда от 28.10.2010 по делу № 22-7624. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Avdeev M. A. *Teoreticheskie i pravovye osnovy obespecheniya lichnoi i imushchestvennoi bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical and legal basis of providing personal and material security of criminal procedure participants: Candidate of Law thesis]. M., 2009, 170 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/teoreticheskie-i-pravovye-osnovy-obespecheniya-lichnoi-i-imushchestvennoi-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva> [in Russian].

2. Voronov D. *Kharakteristika ugrozy postkriminal'nogo vozdeistviya kak osnovaniya dlya primeneniya mer bezopasnosti v otnoshenii uchastnikov ugolovnogo protsesssa* [Characterizing a threat of post-criminal impact as a ground to apply security measures in relation to participants of criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2013, no 4, pp. 77–83. Available at: <http://www.jurpro.ru/wp-content/uploads/2013/08/UP-04-13.html#z4> [in Russian].

3. Solganik G. Ya. *Tolkovyi slovar: Yazyk gazety, radio, televideniya: Okolo 6000 slov i vyrazhenii* [Explanatory dictionary: language of newspaper, radio, television. About 6000 words and phrases]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2002, 752 p. [in Russian].

4. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. Pod red. D. N. Ushakova* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 Volumes. D. N. Ushakov (Ed.)]. M.: Russkie slovari, 1994, Vol. 4, 754 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> [in Russian].

5. *Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov* [Large explanatory Russian dictionary. Compiler and chief editor S. A. Kuznetsov]. SPb.: «Norint», 1998, 1536 p. Available at: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> [in Russian].

6. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. RAN, In-lingvisticheskikh issledovaniy; Pod red. A. P. Evgenevoi* [Dictionary of the Russian language: in 4 Volumes. Russian Academy of Sciences, Institution of Linguistic Researches. A. P. Evgenieva (Ed.)], 1999, Vol. 4, 800 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> [in Russian].

7. Shadrina L. V. *Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika ugrozy ubiystvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorovyu: monografiya* [Criminal and criminological characteristics of threat by murder or inflicting grievous bodily harm: monograph]. M.: Yurlitinform, 2013, 174 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie2278785.html> [in Russian].

8. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': uchebnik. Pod red. F. R. Sundurova, M. V. Talan* [Russian criminal law. Special part: textbook. F. R. Sundurov, M. V. Talan (Eds.)]. M.: Statut, 2012, 943 p. Available at: <https://nashol.com/2017071695411/ugolovnoe-pravo-rossii-osobennaya-chast-sundurova-f-r-talan-m-v-2012.html> [in Russian].

9. *Kurs ugolovnogo protsesssa. Pod red. d.yu.n., prof. L. V. Golovko* [Course of criminal procedure. Doctor of Laws, professor L. V. Golovko (Ed.)]. M.: Statut, 2017, 1280 p. Available at: <http://be5.biz/pravo/u010/index.html> [in Russian].

10. Brusnitsyn L. V. *Primenenie norm UPK RF, obespechivayushchikh bezopasnost' uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: nauch.–praktich. posobie* [Application of the rules of the Russian Criminal Procedure Code (CPC), providing criminal procedure participants' security: research and practice textbook]. M.: Yurlitinform, 2013, 152 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie2252956.html> [in Russian].

11. Kryukova N. I. *Problemy obespecheniya zashchity svitatelei* [Challenges to the protection of witnesses]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justitia], 2012, no 2, pp. 43–44. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2012/4503/2> [in Russian].

12. *Ugolovnoe delo № 1-675/2014* [Criminal case № 1-675/2014]. Available at: <http://sudact.ru/regular/doc/aK8z9UGnK0Yh> (accessed 01.12.2018) [in Russian].

13. Dmitrieva A. A. *Mery bezopasnosti, primenyaemye v otnoshenii uchastnikov protsesssa na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya ugolovnogo dela* [Security measures applicable to parties to proceedings at the stage of preliminary investigation of a criminal case]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2017, no 1, pp. 3–6. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2017/rossijskij-sledovatel/1> [in Russian].

14. Samoroka V., Beketov M. *Prinyatie sledovatelem resheniya o primeneni mer bezopasnosti v otnoshenii uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [The process of making a decision to apply criminal security measures in relation to criminal procedure participants by an investigator]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2011, no. 1, pp. 72–78. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15634673> [in Russian].

15. *Ugolovnoe delo № 1-212/2017* [Criminal case № 1-212/2017]. Retrieved from: <http://sudact.ru/>

regular/doc/S48TD6zM66Lr (accessed 01.12.2018) [in Russian].

16. Novikova M. V. *Obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva kak garantiya osushchestvleniya pravosudiya v sovremennykh usloviyakh: diss. ... kand. yurid. nauk* [Providing of security of criminal procedure participants as a guarantee of justice in the current conditions: Candidate's of Laws thesis]. Ekaterinburg, 2006, 234 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/obespechenie-bezopasnosti-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva-kak-garantiya-osushchestvl> [in Russian].

17. Krashennikov A. A. *Ugroza v ugolovnom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Threat in Russian criminal law: Candidate of Legal Sciences thesis]. Ulyanovsk, 2002, 204 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/disser2011078.html> [in Russian].

18. Zaitsev O. A. *Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Theoretical and legal basis of state protection of criminal procedure participants in the Russian Federation: Doctor of Laws thesis]. M., 1999, 446 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/teoreticheskie-i-pravovye-osnovy-gosudarstvennoj-zawity-uchastnikov-ugolovnogo.html> [in Russian].

19. Epikhin A. Yu. *Kontsepsiya obespecheniya bezopasnosti lichnosti v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Concept of providing of personal security in the field of criminal procedure: Doctor of Laws thesis]. Syktyvkar, 2004, 460 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-process/konceptiya-obespecheniya-bezopasnosti-lichnosti-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva.html> [in Russian].

20. Barysheva K. A. *Opreделение ponyatiya i obshchestvenno opasnoi prirody kiberstalkinga* [Definition of the concept and socially dangerous nature of cyber-stalking]. *Advokat* [Advocate], 2016,

no 10, pp. 60–66. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27188423> [in Russian].

21. *Ugolovnoe delo № 1-359/2010* [Criminal case No 1-359/2010]. Retrieved from *Spravoch'naya sistema «Pravosudie»* [Information system «Justice»]. Available at: <http://sudrf.ru> (accessed 01.12.2018) [in Russian].

22. *Ugolovnoe delo № 1-487/2016* [Criminal case № 1-487/2016]. Retrieved from: <http://sudact.ru/regular/doc/LxaQa0OBqm6N> (accessed 01.12.2018) [in Russian].

23. Timoshenko A. A. *Sokhranenie v taine dannykh o lichnosti poterpevshego i svidetelya kak mera bezopasnosti v ugolovnom protsesse: monografiya* [Keeping in secret the data of victim's and witness's personality as security measure in criminal procedure: monograph]. M.: Yurlitinform, 2012, 224 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie2222616.html> [in Russian].

24. Kozyreva I. E. *Teoriya i praktika uchastiya svidetelya na predvaritel'nom sledstvii: monografiya* [Theory and practice of witness's participation within the preliminary investigation: monograph]. M.: Yurlitinform, 2012, 152 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie2222614.html> [in Russian].

25. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. Glavy 1–32.1. Postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii. Otv. red. L. A. Voskobitova* [Russian Criminal Procedure Code. Chapters 1–32.1. Article-by-article research and practical commentary. L. A. Voskobitova (Ed.)]. Retrieved from legal reference system «Consultant Plus». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17999> [in Russian].

26. *Kassatsionnoe opredelenie Permskogo kraevogo suda ot 28.10.2010 po delu № 22-7624* [Cassational ruling of the regional court of Perm as of 28.10.2010 with regard to case № 22-7624]. Retrieved from legal reference system «Consultant Plus» Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16077347> [in Russian].